

В очередной том сборника включены статьи, посвященные вопросам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Особый раздел составляют статьи по источниковедению, генеалогии, нумизматике, истории СССР периода феодализма. В сборнике исследуются также нарративные источники первой половины XVIII—начала XX в. отечественной истории, письменные источники первых лет Советской власти. Заключительный раздел сборника посвящен изучению источниковедческих проблем антиковедения, скандинавистики, медиэвистики и Нового времени.

Редакционная коллегия:

М. П. Прошников (зам. отв. редактора), *А. И. Копанев*, академик
Д. С. Лизачев, *Е. К. Пиотровская* (отв. секретарь), чл.-кор. АН СССР
В. И. Рутенбург, *М. Б. Свердлов*, *В. Г. Чернуха*, чл.-кор. АН СССР
В. А. Шишкин (отв. редактор), *С. О. Шмидт*, чл.-кор. АН СССР
В. Л. Янин.

В. П. КОЗЛОВ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО АНАЛИЗА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ
КОНЦА XVIII—ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

В предыдущей статье¹ мы рассмотрели общие представления об источнике, основные подходы к нему и методы его анализа, сложившиеся в исторической мысли России конца XVIII—первой четверти XIX в., отметив, что отношение к источнику в это время было бы неполным без учета таких важных явлений, как выход на русском языке шлецеровского «Нестора», издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, и тесно связанного с этими событиями процесса оформления так называемой «скептической школы» М. Т. Каченовского. Рассмотрению этих явлений и посвящена настоящая статья.

Возникновение «скептической школы» обычно относят к концу 20-х—началу 30-х гг. XIX в., связывая это с выходом трудов Нибура. Это мнение можно признать справедливым в том смысле, что к концу 20-х гг. действительно существовала школа, созданная Каченовским в студенческой среде Московского университета. Мы не будем останавливаться на характеристике источниковедческих штудий этой школы — последователи Каченовского, равно как и его работы конца 20-х—начала 30-х гг., нас интересуют только с точки зрения реконструкции взглядов Каченовского в исследуемый период.

Еще В. С. Иконников убедительно показал, что начало научной деятельности Каченовского было ознаменовано его активной пропагандой критических приемов шлецеровского «Нестора» и идей трудов И. Н. Болтина. Первые работы Каченовского, компилятивные в своей основе, представляли отдельные незавершенные этюды. В части критического анализа источника они полностью исходили

¹ Козлов В. П. Исторический источник и основные проблемы его анализа в исторической мысли России конца XVIII—первой четверти XIX в. // ВИД. Л., 1989. XX. С. 9—27.

из шлецеровской методике. Сравнивая, например, сообщения русских летописей о смерти Олега, мщении Ольги древлянам, хитрости белгородцев во время осады города печенегами, основании «Холопьевого» города на р. Мологе и т. д., Каченовский легко находит аналогии им «в баснях исландских, богемских, польских сочинителей» (тем более что эти аналогии были уже выявлены в предшествующей историографии). Все эти и другие наблюдения Каченовского были отнюдь не новы, хотя они и отличались известной широкой сравнительно-исторического подхода, ставшего затем одной из характерных особенностей работ его последователей. Однако первые работы Каченовского обращают на себя внимание воинствующим отстаиванием самой идеи критики источника. «Наши летописи, — пишет он, — богаты истиною, но также небедны и вымыслами. Хорошо, ежели бы мы приучили себя читать их, критически сравнивать и отделять пшеницу от плевел, но различные *важные* дела и упражнения доныне препятствовали нам прилежно заняться отечественной историей. . .».²

Объяснение этому и другим аналогичным заявлениям Каченовского можно легко найти, если вспомнить, как встретил реакционный лагерь русского общества труд Шлецера, ставший символом научного подхода к анализу источника. Рупором этого лагеря стали выступления на страницах журнала «Русский вестник». На первый взгляд они были пронизаны патриотическим пафосом. Неизвестный автор призывал соотечественников заниматься изучением источников по отечественной истории, показывал ряд ошибочных этимологических и исторических построений Г. Байера, Шлецера, других иностранных исследователей. «Живя Отечеством, — писал он, — отыщем все следы, по которым знаменитые россияне шли к добродетели и славе».³ Он осуждал национальный нигилизм, существовавший в русском обществе. Однако своему патриотизму автор придавал откровенно охранительное звучание. Он советовал читателям наполнить сердца «праотеческими добродетелями», имея в виду в их числе прежде всего якобы исконную любовь русских к православию и самодержавию. Автор предупреждал, что именно они пока еще спасали Россию от бед в отличие от Франции, «где тщеславные умы, возмечтав, что они могут жить без бога, веры и блаженствовать по воле страстей. . . соорудили там новое *Вавилонское столпотворение*. . .».⁴

Известно, продолжал он далее, «что с науками и просвещением вкрадывается еще более злоупотреблений, которые отвлекают от отечественного подлинника. . .».⁵ Труд Шлецера, естественно, был отнесен им к числу тех плодов иностранной науки, которые породили Французскую революцию. Его восхвалением, заключал автор,

² Каченовский М. Т. Параллельные места в русских летописях // Вестник Европы. 1809. Ч. 47. № 18. С. 133—134.

³ Догадки и замечания // Русский вестник. 1811. № 4. С. 39.

⁴ Там же. № 9. С. 17.

⁵ Там же. С. 21.

многие «под предлогом подробных разысканий и рассуждений о русской старине стараются поселить сомнение к именам предков, к нравам, к летописям, словом, ко всему отечественному».⁶

Автор брал под решительную защиту «Летопись Нестора» от любых попыток ее критического анализа. «Ученой критике» Шлецера он противопоставил «нравственное рассмотрение или исследование» источника, любым попыткам разобраться, например, в текстологии Начальной летописи — охранительную идеологию. Не переписчики, утверждал он, исказили тексты источников по отечественной истории, а современные «лжеумствователи» — иностранцы. Предлагавшееся им «нравственное рассмотрение» Начальной летописи исходило из безусловного признания достоверности всех тех ее свидетельств, перед которыми «предки наши несколько веков благоговели», старательно переписывая летопись. Автор предлагал три образца такого рассмотрения.

Касаясь легенды об основании Киева, он объявлял ненужными «мудрствованиями» все попытки Шлецера установить степень ее реальности. «Кий владел в роде своем, — пишет он. — Два брата его Щек и Хорив сооружают городок и во имя брата своего нарицают Киевом. Сия любовь и единодушие братий изъявляют силу и власть семейственных добродетелей. Братья трудятся для брата своего и, почитая его с детства, уступают ему плоды трудов своих . . . Наблюдая исторические памятники в *отечественном слове*, мы находим свидетельства о силе братской любви и единодушия. „Любовь братская крепче стен“. Сие простое сказание летописателя Нестора научает нас, что братская любовь основала *первопрестольный град Киев*».⁷ Так одна из «праотеческих добродетелей» («братская любовь»), став критерием «нравственного рассмотрения» летописи, позволила критику Шлецера легко обосновать достоверность легенды об основании Киева.

Другой критерий — исконная русская религиозность — дал возможность тому же автору объявить не подлежащим сомнению приведенное древнерусским летописцем библейское предание о расселении народов. «Нестор, — пишет он, — не самопроизвольно производит бытие народов от сынов Ноевых; он следует в том вере, утверждающей предание библейское».⁸

Третий критерий — приверженность русских к самодержавию — критик Шлецера применил при разборе легенды о призвании варяжских князей. Она также не вызывает у него сомнения, ибо, как пишет он, «в простом рассказе русского летописателя Нестора встречаем две важнейшие истины. Во-первых, где нет единодушия, там нет и правды; во-вторых, славяне новгородские, изведав пагубные последствия раздоров, решили избрать вождей, которые бы судили

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Там же. № 4. С. 42.

⁸ Замечания на некоторые мысли рассматривателя книги «О первобытной России и ее жителях» и на некоторые слова сочинителя сей книги // Русский вестник. 1810. № 3. С. 115.

их по правде. Свидетельство же, что предки наши знали мечту и вред *мнимой вольности*, сохранилось в сей народной речи: „неволя учит волю“». ⁹

Метод «правственного рассмотрения» источника, предложенный со страниц «Русского вестника», представлял собой рецидив феодального мировоззрения, согласно которому в конце XVIII—первой четверти XIX в. критика источника по политическим и идеологическим соображениям объявлялась посягательством на охранительный патриотизм, церковный клерикализм и монархизм.

Выступления «Русского вестника» с подобными идеями не были единственными. Аналогичные соображения мы встречаем, например, у Н. И. Нехачина. В своем обширном труде Нехачин попытался поставить точку в полемике И. Н. Болтина и М. М. Щербатова. Здесь мы встречаемся со все той же тенденцией защиты легендарных летописных известий, особенно связанных с церковными сюжетами. Собственно говоря, защиты как таковой здесь нет. В работе Нехачина целые страницы посвящены огульным обвинениям Болтина и Щербатова в недостаточном почтении к летописям. Так, касаясь отвергнутой Болтиным легенды об апостоле Андрее, Нехачин писал: «Сожалительно, что он, г. Болтин, предания о сем преподобного Нестора не принял за истину, сожалительно потому, что Нестор написал справедливо и ничего от себя не выдумал».¹⁰ Эту беспомощную общую посылку он ниже подкрепил уже более «весомым» аргументом — идеологическим обвинением. Касаясь суждения Болтина о легендарном характере другого летописного сообщения — об иконе Богородицы, избавившей Новгород от нападения войск Андрея Боголюбского, — Нехачин писал: «Естли он (Болтин. — В. К.) последовал в сем г. Тагищеву, который не был охотник до чудесности и отметал оные яко-де недостойные вероятия, то очень, очень сожалительно, ибо можно сказать утвердительно, что они оба *заблудились*, когда отвергают то, что православная кафолическая церковь, приняв, честно празднует».¹¹

Каченовский был одним из тех, кто выступил против подобного отношения к источнику. Его ответ неизвестному критику Шлецера был пронизан нескрываемой проницей. Он отдает себе ясный отчет в том вреде, который может быть нанесен исторической науке выступлениями «Русского вестника». «Неужели должно бороться с метеорами, которые неминуемо исчезнут во мраке и никаких следов по себе не оставят?» — спрашивал он. И далее продолжал: «Но странные сии мысли, с шумом изливающиеся, подобно стремительному потоку, могут произвести неприятный ужас в людях, любящих свое и ближних своих спокойствие; сопровождаемые именами добродетели, веры и Отечества, оне могут поколебать тишину кроткого ума

⁹ Догадки и замечания. С. 50—51.

¹⁰ *Нехачин И.* Новое ядро российской истории, от самой древности россиян и до дней благополучно ныне царствующего императора Александра I, на пять периодов разделенное. М., 1809. Ч. 1. С. 3.

¹¹ Там же. С. 283.

и на первый случай поселить в нем недоверенность к образованности, к наукам, а наконец, и к здравому смыслу!».¹²

Касаясь легенды об основании Киева и ее интерпретации в «Русском вестнике», Каченовский писал: «Ученая критика, оставляя до удобнейшего времени удовольствие восхищаться прекрасными замечаниями г-на сочинителя „Догадок и замечаний“, что „любовь братская крепче стен“ и что „братская любовь основала первопрестольный град Киев“, наперед хочет знать, что такое был Кий, могущественный ли монарх, повелитель обширных стран от Дуная до Камы, или только перевозчик». По его мнению, «будучи в таком затруднении, ученая критика, и зная, что нередко выдумывали имена Чеха, Ляха, Руса, Пруса, Славена для произведения от них народов, с одной стороны, опасается бытие Кия принять за достоверное, а с другой — находит очень правдоподобным начало Киева от учреждения на том месте через Днепр перевоза».¹³

Ответ Каченовского был направлен и против безоговорочного признания достоверными библейских сюжетов, в том числе предания о происхождении народов. Разумеется, с сарказмом пишет он, если Адам и Ева принадлежат к русской истории, а современные народы произошли от тех, которые были при вавилонском столпотворении, нужды в ученой критике нет. Всякому, кто будет сомневаться в подобных свидетельствах источника, мы «зажмем рот библейскими преданиями, которые также хорошо умеем разьяснять, как и русские летописи».¹⁴

Полемика Каченовского с «Русским вестником» имела положительное значение по меньшей мере в двух отношениях. Высоко оценивая труд Шлецера, Каченовский далеко не во всем разделял его идеи, в том числе норманизм. Как известно, после выхода книги Эверса, обосновывавшей концепцию причерноморского происхождения руси, Каченовский стал одним из горячих ее приверженцев. В полемике же о «Несторе» Шлецера Каченовский отстаивал прежде всего право на критический анализ источника, защищал «науку критики», одним из лучших образцов которой в исследуемое время был шлецеровский «Нестор». Кроме того, критика «нравственного рассмотрения» Начальной летописи имела и прогрессивное общественно-политическое звучание. Она разоблачала казенный патриотизм и церковный клерикализм, являлась предупреждением иллюстративному и потребительскому использованию источника.

Аналогичную позицию, но уже с рядом иных оттенков и в иных общественных условиях Каченовский занял и по отношению к такому крупному событию в историографии этого времени, как выход «Истории государства Российского» Карамзина.

Исходную позицию в подходе к анализу источника историограф попытался объяснить в предисловии к своему труду. В первом ва-

¹² Каченовский М. Т.] Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке // Вестник Европы. 1811. Ч. 59. С. 136.

¹³ Там же. С. 146.

¹⁴ Там же. С. 221.

рианте предисловия она была выражена следующим образом: «Хотя историк судит без свидетелей, хотя не может допрашивать мертвых, однако ж истина всегда заранивает искры для наблюдателя беспристрастного; должно отыскать их в пещле — и тогда происшествие объяснится».¹⁵ Таким образом, в этих словах Карамзин определенно высказал свой оптимизм относительно возможностей установления истины о прошлом на основе анализа источника. В окончательном тексте предисловия акценты несколько изменились. «Но история, говорят, наполнена ложью, — пишет историограф, — скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи; однако ж характер истины более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях».¹⁶ Как видим, Карамзин был готов уже удовлетвориться не «истиной», а «характером истины», что в принципе открывало широкие возможности для самых разнообразных ее интерпретаций. «Довольство» историографа «характером истины», его стремление отыскать ее критерии в «сознании народном» исходили из признания невозможности объективного познания прошлого, из стремления к его художественной, политической и идеологической интерпретации. А это в свою очередь по существу означало использование только таких источников или таких свидетельств, которые отвечали историко-политической и художественной конструкциям Карамзина. Именно поэтому в «Истории» вместо всестороннего критического анализа источников мы видим их потребительское использование, подчиненное нескольким принципам повествования.

Принцип апологетизма в труде Карамзина был связан с пропагандой самодержавия как главной прогрессивной силы русского исторического процесса. Следуя этому принципу, историограф искусно подбирал в источниках свидетельства, которые бы подтверждали эту идею его концепции, давали возможность порассуждать в духе идеологии «просвещенного абсолютизма». Принцип морализации был необходим историографу в связи с тем значением, которое он придавал воспитательной роли истории. В соответствии с ним Карамзин искал в источниках свидетельства о событиях, характерах и поступках исторических лиц, интерпретация которых открывала бы простор для нравоучительных сентенций. Принцип модернизации Карамзин использовал для того, чтобы создать у читателей иллюзию повторяемости исторического процесса и тем самым придать большую убедительность тем «урокам», которые могли бы извлечь из прошлого для современности. В соответствии с принципом занимательности исторического повествования Карамзин искал в источниках свидетельства о событиях величественных, характерах героических, которые можно было бы представить как пышное театральное дей-

---

¹⁵ *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. 2. С. 7.

¹⁶ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1, т. 1. С. XIII.

ствие с участием массы народа, чтобы показать рев толпы, голоса героев, людей-актеров, выступающих то с монологами, то в хоре.

Последовательно придерживаясь в своем повествовании этих принципов, Карамзин уходил от обоснования точности, достоверности своего рассказа. Исключая свидетельства явно легендарные, к оценке которых историограф подходил в большинстве случаев с позиций здравого смысла, в целом он достоверность «нужных» свидетельств источников легко обосновывал тем, что искусно включал их в одну из «ячеек» своей исторической конструкции. Нам уже приходилось писать о приемах работы Карамзина с источниками на примере описания царствования Бориса Годунова.¹⁷ Здесь же важно подчеркнуть, что такой подход к проблеме анализа источника оказался очень удобным и популярным в среде консервативной исторической мысли России. Он, например, был характерен для трудов Т. С. Мальгина. Потребительский подход к источнику исключал необходимость не только установления истории его текста, но и объяснения противоречивых версий разных источников об одном и том же событии, предопределяя выбор той версии, которая соответствовала определенной политической или идеологической схеме. В этом смысле характерным является пример решения исторической мыслью этого времени вопроса о гибели Ермака. Г. Ф. Миллер и И. Е. Фишер, опираясь на версию Тобольской летописи, полагали, что Ермак, спасаясь от войск Кучума, утонул в Иртыше. В распоряжении Карамзина помимо Тобольской находились Есиповская и Строгановская летописи. Последняя в отличие от двух первых сообщала о гибели Ермака на поле боя, хотя содержала ссылку и на версию о смерти Ермака в водах Иртыша. Историограф, придававший самое большое значение из сибирских летописей Строгановской, на этот раз принял версию Тобольской и Есиповской летописей, даже не упомянув о сообщении Строгановской. В данном случае Карамзину казалось менее важным попытаться разобраться в действительных обстоятельствах гибели Ермака, куда важнее ему было подчеркнуть описанием менее почетной смерти своего героя общую оценку его деятельности и личности как «буйного», «беглого атамана волжских разбойников», выполнявшего огромной важности государственное дело, но проявившего «легковерие, неосторожность», «утомленного жизнью», подвергшегося действию неумолимого рока. «Конец, — пишет Карамзин, — горький для завоевателя: ибо, лишаась жизни, он мог думать, что лишается славы!»¹⁸

И здесь важно подчеркнуть, что даже такой серьезный исследователь, как Г. И. Спасский, критикуя Карамзина за его игнорирование свидетельства Строгановской летописи, по существу в своей аргументации исходил из того же потребительского подхода к источнику, когда писал: «Невзирая на сии противоречия (в рассказах раз-

¹⁷ Подробнее см.: *Козлов В. П.* Н. М. Карамзин о Борисе Годунове: (К характеристике общественно-политических и исторических взглядов) // *Общественная мысль в России XIX века.* Л., 1986. С. 19—34.

¹⁸ *Карамзин Н. М.* История. . . СПб., 1843. Кн. 3, т. IX. С. 239—240.

ных летописей. — В. К.), я осмеливаюсь думать, что гораздо сообразнее с великими качествами храброго Ермака окончить жизнь свою как герою с оружием в руках, нежели утонуть при побеге с места битвы. . .».¹⁹

Потребительское использование Карамзиным источников вызвало немало критических замечаний у современников. Будущий поклонник историографа М. П. Погодин после первых чтений «Истории» назвал это «непростительным». То же самое отмечал Ф. В. Булгарин в разборе X и XI томов. «Вообще, — писал он, — кажется странным, что Маржерет, Петрей, Бер, Паерле, многие польские писатели и подлинники акты приводятся по произволу, в подкрепление мнений почтенного историографа, без всякого доказательства, почему в одном случае им должно верить, а в другом — не верить».²⁰

Эти отдельные, подчас недоуменные замечания в адрес приемов обращения Карамзина с источниками со временем вылились в последовательную и серьезную критику.²¹ Призывая к установлению «истины», оппоненты историографа в своей критике «Истории» показывали, что Карамзин использовал не все известные даже ему источники, произвольно отбирал из них свидетельства, отвечавшие его концепции, и субъективно интерпретировал их. Так, Н. С. Арцыбашев, подобно Карамзину, не раз пытавшемуся показать «баснословия» Татищева, предпринял сплошное сопоставление первых глав труда историографа с положенными в их основу источниками и тем самым демонстративно показал, что в «Истории» ее автор произвольно обращался с имевшимся в его распоряжении материалом. Статьи Арцыбашева, посвященные «Истории» А. Курбского, сочинениям иностранцев, пронизаны критическим рассмотрением достоверности этих источников в духе методик А. С. Лубкина (перебравшегося к этому времени в Казань, где жил и Арцыбашев).

Можно было бы привести немало других примеров, когда критики Карамзина, рассматривая приемы его работы с источниками, широко использовали правила «высшей критики», к которым прибегали Шлецер, Болтин и которые были рекомендованы Лубкиным. Но, возвращаясь к Каченовскому, важно подчеркнуть, что он как один из авторов и редакторов журнала «Вестник Европы» оказался лидером подобного критического подхода к труду Карамзина.

В своих выступлениях в полемике вокруг «Истории» Каченовский всячески старался подчеркнуть свою заинтересованность в познании «истины исторической», в строгой доказательности достоверности исторического рассказа. «Историк не романист и не поэт эпический, — писал он, — он описывает истинные происшествия, пред-

¹⁹ Спасский Г. П. Сибирская летопись Саввы Есипова // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1. С. 154—155.

²⁰ [Булгарин Ф. В.] Критический взгляд на X и XI тома «Истории государства Российского», сочинение Н. М. Карамзина // Северный архив. 1825. Ч. 14. С. 193.

²¹ Подробное см.: Козлов В. П. Полемка вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в русском обществе 10—20-х гг. XIX в. // История СССР. 1984. № 5. С. 88—102.

ставляет невымышленные характеры; не волен увеличивать мало-важных случаев и опять не может оставить их без внимания, ежели [они] входят в систему повествуемых событий».²² Исторический труд, подчеркивает Каченовский, — это не литературное произведение, в котором автор может дать волю своей художественной фантазии, а «беспристрастное» исследование. Говоря о «беспристрастии» историка, Каченовский обвинял Карамзина не только в отдельных ошибках, но прежде всего в потребительском использовании источников. Именно в этом он видел главную опасность для исторической науки примера Карамзина. «Беспристрастие», по Каченовскому, — это прежде всего добросовестный разбор и объяснение всех известных свидетельств о каком-либо событии прошлого, а не замысловатые хитросплетения, призванные вышачивать данные одних источников и проходить мимо других, это, наконец, доказательство одной из наиболее вероятных версий. Выступления Каченовского против Карамзина содержали здравые суждения о критике источника, утверждали его авторитет как дела, необходимого и обязательного в исторических упражнениях. «Труд мелочный, тягостный, утомительный для историка может быть весьма приятным, любимым для восстановителя текста, для критика, ибо он приносит ему не только удовольствие, но и славу», — писал он.²³

Вместе с тем общественное звучание выступлений против Карамзина, возглавленных Каченовским, в условиях российской действительности начала XIX в. нельзя оценить однозначно. У нас нет никаких оснований, чтобы говорить, как когда-то это делал М. О. Коялович, о связи выступлений Каченовского против Карамзина с позицией, занятой по отношению к труду историографа декабристами. Наоборот, логика общественной борьбы этого времени постепенно толкала редактора «Вестника Европы» в охранительный лагерь. Это особенно отчетливо стало видно после 1821 г. Позиция, занятая журналом по отношению к вышедшему в это время IX тому «Истории» Карамзина, объективно сделала его редактора одним из злейших врагов декабристов и близких к ним лиц.²⁴

В критике Карамзина Каченовский по-прежнему оставался верным последователем Шлецера и его идей о «низшей» и «высшей» критике. «Шлецер, — писал он, — в объясненном своем Несторе не на одном месте учит, как надобно приступать к сочинению истории, что надобно делать с материалами и как очищать их».²⁵ Новые акценты в подходе к критическому анализу источника мы видим у Каченовского с начала 20-х гг. в рецензиях на исследование К. Ф. Калайдовича о Кирилле Туровском и Иоанне экзархе Болгарском. В них, правда, нет апелляции к «скептицизму», нет и самого этого понятия, которое, как кажется, он впервые употребил лишь в 1830 г., когда заявил: «Для науки нет ничего приличнее, как

²² [Каченовский М. Т.] От Киевского жителя к его другу // Вестник Европы. 1819. № 3. С. 198—199.

²³ Там же. № 6. С. 125.

²⁴ Подробнее см.: Козлов В. П. Poleмика. . . С. 94—95.

²⁵ [Каченовский М. Т.] От Киевского жителя к его другу. С. 199.

скептицизм — не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравнении текстов, на критике свидетельств».²⁶

В чем же заключался «скептицизм» Каченовского в отношении к источникам по русской истории? Известно, что его учитель Шлецер противопоставлял «скептицизм» как недоверчивое отношение к источнику «легковерию», видя в том и другом крайности, в равной степени опасные для историка. Признавая значение письменного источника, свой «скептицизм» Шлецер распространял на дописменную историю народов.²⁷ Лубкин, выводя «благоразумное сомнение» за рамки логических правил критики источника, рассматривал его как «надежнейшую дорогу к познанию истины... пока не будем иметь сильных и убедительных резонов отрицать что-либо или утверждать», т. е. видел в сомнении меру осторожности при использовании источника, предварительный и неизбежный этап процесса познания, на смену которому приходит положительное знание.²⁸ С этой точки зрения «благоразумное сомнение» носило не разрушающий, а созидательный характер.

«Скептицизм» Каченовского 20-х гг. основывался на нескольких идеях. В истории русского народа, как и любого другого народа, имеется баснословный период. Источники, повествующие о нем, представляют собой переплетение истинных, вымышленных и мифических свидетельств. Они восходят к преданиям, свойственным «младенствующему уму» человечества, сохранились в поздних, обезображенных вставками, вымыслами, ошибками писцов списках. Задача критика — подвергнуть анализу эти списки, «отделить от них чистое золото несомнительных событий». Как видим, в этих идеях нет ничего, чтобы связать их автора со сторонниками «скептицизма» как философского течения, отрицающего саму возможность достоверного познания мира, или как политико-идеологического учения, пронизанного духом национального нигилизма. Все эти положения соответствуют тому, о чем писал еще Шлецер. Ничем не отличалась от шлецеровской методик и система критических приемов, предлагавшаяся Каченовским для установления достоверности свидетельств источника.

Однако в конце 20-х—начале 30-х гг. Каченовский изменил иерархию элементов этой системы критического анализа. На первый план он выдвинул требование сопоставлять все признаки и свидетельства источника с «духом времени». Всякие открытия, писал он, «в рукописях старины, слишком иногда простодушной, зато уже иногда и чрезвычайно затейливой, надобно испытывать в горниле *высшей критики*, т. е. соотносить с историческим ходом происшествий, с обстоятельствами».²⁹ По Каченовскому, «высшая критика»

²⁶ Цит. по: *Ильиников В. С.* Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871. С. 26.

²⁷ *Шлецер А. Л.* Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, слоганные, переведенные и объясненные. СПб., 1809. Ч. 1. С. ЛФД1.

²⁸ *Лубкин А. С.* Начертание логики // Русские просветители: (от Радищева до декабристов): Собрание произведений в двух томах. М., 1966. Т. 2. С. 93.

²⁹ [Каченовский М. Т.] Исторические справки об Иоанне экзархе Болгарском // Вестник Европы. 1826. № 14. С. 199.

должна заключаться теперь уже не столько в использовании при анализе источника логических правил, сколько в соотношении свидетельств источника с представлениями критика о времени, о котором этот источник рассказывает или к которому относится его создание. «Надобно более верить, — писал он, — истории учености, происшествий политических и гражданских, нежели показаниям рукописей, когда последние противоречат первой».³⁰

Критерий «духа времени», уходя своими корнями в логическую мысль предшествующего времени, не был изобретением ни Нибура, ни Каченовского. Этот критерий был подробно рассмотрен, например, Лубкиным. Говоря о подложных источниках, Лубкин выделил три группы признаков, позволяющих определять их. «Подложные сочинения или места, — писал он, — таковыми вообще признаются: 1) по историческим о том признакам; 2) по несообразности с обстоятельствами, при которых надлежит быть написанным сочинению; 3) по несообразности с личными качествами писателя».³¹ Характеризуя вторую группу, Лубкин в числе признаков «подозрительности» источника называет пять, связанных с критерием «духа времени»: «1) когда в нем приметна несообразность со временем, в которое надлежит быть ему написанным, или несообразность хронологическая; 2) когда приметна несообразность хронологическая с обстоятельствами, кои в нем представляются не как были тогда, а как были прежде или после; 3) когда оно явно несходно почему-либо с духом и образом мыслей того времени; 4) когда лица и вещи представляются в нем в превратном виде против известных тогда обстоятельств и показаний современных писателей; 5) когда самое свойство языка, на коем писано, показывает позднейшее его происхождение».³²

Как видим, для того чтобы выдвинуть критерий «духа времени», исторической мысли не нужно было дожидаться выхода труда Нибура — этот критерий был уже подробно разработан. Однако если, например, для Лубкина он всего лишь один из многих, причем далеко не главный, то Каченовский сделал его определяющим, важнейшим в установлении подлинности источника и достоверности его свидетельств.

Общая посылка о «духе времени» сама по себе не может считаться ошибочной, когда предполагается знание закономерностей общественного развития. Именно поэтому при работе с источником важнейшее значение приобретает объективность представлений исследователя о «духе времени». Выше мы уже отмечали, что попытки использования этого критерия привели Шлецера на позиции норманизма. Нетто подобное произошло и с Каченовским.

В «горниле высшей критики» Каченовский решил испытать ряд древнерусских и древнеславянских памятников: так называемую Черниговскую гривну, сочинения Кирилла Туровского, Иоанна экзарха Болгарского, Правду Русскую, «Летопись Нестора». Сохра-

³⁰ Там же. С. 198.

³¹ Лубкин А. С. Начертание... С. 141.

³² Там же. С. 142.

нилось известие о том, что он подвергал сомнению и время создания «Слова о полку Игореве». В критическом анализе почти всех названных источников Каченовский обнаруживает широкий сравнительно-исторический подход, привлекает разнообразный круг источников и литературы. Однако в ходе этого анализа Каченовский опирался не на знание закономерностей общественного развития (к чему позже призывал его последователь Н. И. Надеждин), он исходил из произвольного тезиса о низком уровне и несамостоятельности различных сторон развития древнерусского и древнеславянского обществ в предшествующую и последующую после создания письменности эпохи. Основываясь на этом, он видел в сохранившихся древнейших источниках произведения «других людей и другого века». Кирилл Туровский, по его мнению, был не оригинальный древнерусский писатель и мыслитель, а всего-навсего компилятор и подражатель греческих и византийских авторов, Иоанн экзарх Болгарский — не талантливый славянский писатель и ученый IX—X вв., а мифическое лицо или монах одного из афонских монастырей, живший в XII в. Точно так же «Летопись Нестора» представлялась ему сочинением XIV в., наполненным сомнительными и отрывочными свидетельствами о древнерусской истории, в основе которых лежали смутные предания, более древние западноевропейские сочинения и лишь в отдельных местах дошедшие до XIV в. летописные записи. В Правде Русской Каченовский увидел не памятник, отразивший эволюцию общественных отношений Древней Руси XI—XIII вв., а произведение XII в., своим источником имевшее «законы германских народов».

Субъективные представления Каченовского о «духе времени» усугубились его фактическим игнорированием «низшей критики», прежде всего текстологических и палеографических данных. В 1828 г. он заявил, что нельзя слепо верить «хартиям *четырнадцатого* века, даже гораздо позднейшим, сим хранилищам современных вымыслов», основываться «единственно на их свойствах, рассказывая о важных и неважных, ничем другим не подкрепляемых событиях века двенадцатого, даже десятого и девятого».³³ «Низшая критика», по Каченовскому, должна уступить свое значение в датировке источника, установлении истории его текста, определении достоверности свидетельств «высшей критике», где главным критерием выступал «дух времени».

Рассмотренный подход Каченовского к источнику предопределил научное значение сделанных им выводов о конкретных источниках, которые не нашли подтверждения в последующих изысканиях многих поколений исследователей. Эти выводы с современных позиций можно рассматривать как курьез. Легко упрекнуть Каченовского в стремлении пощеголять необычными суждениями. Иное дело время, когда «скептицизм» заявил о себе. Он явился крайней реакцией на потребительское использование источников. В пору своего становления «скептицизм» сыграл положительную роль в отстаивании «науки критики», в разоблачении потребительского использования источников, прежде всего в труде крупнейшего представителя

³³ Иконников В. С. Скептическая школа... С. 45.

дворянской историографии. Со временем «скептицизм» дал импульс его противникам в поисках новых аргументов в борьбе с ним, в отстаивании тех же Кирилла Туровского, Иоанна экзарха Болгарского, «Летописи Нестора», Правды Русской и других источников. Он побуждал противопоставлять рассуждениям о «духе времени» строго выверенную систему доказательств, основанных на историческом, текстологическом, палеографическом анализе источника. В этом смысле можно сказать, что «скептицизм» стимулировал развитие «положительного» знания о прошлом.

«Скептицизм» вырос из того подхода к источнику, который в литературе получил название критического. По своим задачам он никогда не противопоставлял себя критическому направлению, поставив в более острой форме вопросы подлинности источника и достоверности его свидетельств. Многие «скептицизм» заимствовал и из методов критического направления. Однако, изменив иерархию этих методов, он внес в их применение еще большую долю субъективизма, в конечном итоге подчинив их не созданию «положительного» знания о прошлом, а его разрушению. Сыграв большую роль в отстаивании необходимости критического анализа источника, в стимулировании разысканий своих противников, «скептицизм» должен был под напором позднейших открытий и исследований неизбежно признать свое поражение.

М. И. ФУНДАМИНСКИЙ

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРЕССЫ

(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)

Свидетельством большого интереса к прессе как к историческому источнику служит появление в последние десятилетия значительного числа работ, посвященных изучению газетной периодики.¹ Среди них можно выделить две основные группы работ: а) характеризующие периодическое издание в целом как исторический источник и б) использующие материалы газет как источник для раскрытия конкретной темы. Общим для обеих групп недостатком является отсутствие гарантии полноты в характеристике содержания источника. Корни этого недостатка следует искать в обычной методике изучения прессы, ориентирующей на обзор «интересных материалов», а не

¹ Более сотни публикаций по вопросам источниковедения прессы зафиксировано только в «Библиографии работ по источниковедению истории СССР» (см.: Источниковедение истории советского общества. М., 1964—1982. Вып. 1—4).